

Картонный сталкер

«Саркофаг» Валерия Кошлякова в центре ГАБРИКА

Коммерсантъ - 2006 - 23 июля - С. 22

Художник Валерий Кошляков рассматривает русский пейзаж через окно давно отмененного поезда ФОТО ГРИГОРИЯ СОБЧЕНКО

В центре ПРОЕКТ ГАБРИКА открылась выставка одного из ведущих современных российских художников Валерия Кошлякова «Саркофаг». Грандиозную бумажную усыпальницу советского мира исследовала ИРИНА КУЛИК.

Вполне закономерно, что самую свою грандиозную российскую выставку художник, уже давно живущий в Германии, сделал именно для центра ГАБРИКА, расположившегося на территории настоящей фабрики технических бумаг «Октябрь». Любимым материалом Валерия Кошлякова уже много лет является гофрокартон. На разорванных картонках господин Кошляков пишет эпические фрески, представляющие руины утопических городов, напоминающих то античность, то итальянский Ренессанс, то сталинский ампи́р. Из картона же Валерий Кошляков создавал и пространственные объекты — «иконосы», отсылающие как к иконным «горкам», так и к архитектурным построениям классического русского авангарда.

Валерий Кошляков — пожалуй что, первый автор, которому удалось полностью освоить грандиозное помещение заводского цеха, занимающего целый этаж фабричного здания. Более того, художнику оказалось даже мало этой тер-

ритории — его выставка начинается еще на первом этаже. На стену цеха, загроможденно-го впечатляющими станками, проецируется видео: уносящиеся вдаль со страшным грохотом вагоны по-советски обшарпанного поезда «Башкирия». Сама инсталляция, расположенная этажом выше, начинается с гигантской картины, изображающей расписание поездов: скорый на Адлер, пассажирский во Владикавказ, фирменный в Ростов-на-Дону...

Впрочем, прочесть расписание можно с трудом: строчки текста почти стерлись или заляпаны краской, так что не покидает ощущение, что поезда эти давно отменены да и сам вокзал, скорее всего, заброшен и разрушен. Такое же запустение царит и в тех ландшафтах, которые художник воспроизводит в своей инсталляции. В новом произведении Валерия Кошлякова уже нет той сказочности и утопичности, которая казалась неотъемлемой частью его искусства. Картонные архитектурные объекты уже не напоминают супрематистские архитектурные: в них безошибочно узнаешь элеваторы, цементные заводы и прочую неказистую архитектуру советских промзон, через которые неминуемо едут все поезда.

Впрочем, никакой действующей промышленности тут, похоже, давно уже нет. Столь же безнадежно заброшенным кажется и летнее кафе под названием «Ангара», и картонный трактор, словно бы навеки застрявший в непролазной грязи, и картонный же вертолет, который вряд ли когда-нибудь взлетит. В лабиринте разномастных и то ли недоделанных, то ли уже разрушенных картонных сооружений возвышаются огромные, написанные на том же картоне картины, — все те же непогожие российские дали и хляби, словно увиденные сквозь немытое окно проходящего поезда.

Поезд — это, конечно, типично советский способ путешествия и инструмент познания ландшафта. (Не зря одной из самых известных художественных метафор СССР стала инсталляция Ильи Кабакова «Красный вагон».) Американские да и европейские дороги — прежде всего автомобильные: жанр странствия, канонизированный в road-movies, предполагает машину, дающую страннику возможность самому выбирать и произвольно менять маршрут и попутчиков, идет ли речь о собственном транспорте или об автостопе. Для советского путника (отпускника или командировочного) такая

свобода была почти недоступной роскошью. Даже отпущенный, он вынужден путешествовать из пункта А в пункт Б не покидая колеи и в тесном коллективе соседей по купе или плацкарту. Советским ответом на классическую автостопную одиссею Джека Керуака «На дорогах», воспевающую безостановочное странствие без расписания и маршрута, является, конечно, Москва—Петушки Венедикта Ерофеева — фаталистическое путешествие, где путник не может ни сойти с поезда, ни доехать до пункта назначения. По тем же путям движется и дрезина из «Сталкера» Тарковского — созданный художником пейзаж не может не напомнить пресловутую зону.

«Саркофаг» Валерия Кошлякова — своего рода прощание и с этим чисто советским ощущением путешествия (кажется, нынешний типичный отпущенник уже не тот, кто полутора суток трясется в поезде Москва—Геленджик, но пассажир чартерного рейса в Хургаду или Анталию), и с самим советским пейзажем, приходящим в окончательное запустение без присмотра пассажиров, взирающих на него из окна вагона. Еле читаемое расписание поездов в начале инсталляции выглядит какой-то мемориальной доской: маршруты как имена и фамилии павших героев.